

Опять-таки вспоминаешь об одном из учителей Куприна — Чехове и его описании семейства Туркиных из «Ионыча», где у «каждого члена семьи был какой-нибудь свой талант». Иногда же небольшой, мимолетный штрих, подмеченный Куприным, производит эффект электрического разряда. В «Поединке» Ромашов получает письмо от пошлой и вздорной своей любовницы госпожи Петерсон, как водится, со стихами и — даже! — очерченным квадратиком, уведомляющим: «Я здесь поцеловала». Читая «Поединок», сам Толстой в этом месте не выдержал и остановился: «Даже изжога берет».

Подобно большинству своих современников, писателей-реалистов XX века, Куприн явился мастером «малых форм» прозы — рассказа, короткой повести, оставив нам классические образцы этих жанров. Часто, ведя художественный поиск, писатель отправляется от факта, который сам по себе незначителен, — от «случая из жизни», анекдота и т. д. Но, обрастая великолепными подробностями, запоминающимися мелочами, каждый факт приобретает дополнительную глубину и емкость.

Особенности художественной манеры Куприна, основные мотивы его творчества, характерные для него человеческие типы — все это повторилось и в произведениях, созданных на ущербе жизни, в эмиграции. Но повторилось, затухая и дробясь, в обедненном и несколько измельченном виде.

Он всегда любил Россию, но только в разлуке, освобожденный от застенчивости, смог найти слова признания в любви к ней. Теперь, ничем не сдерживаемые, они вылились чисто и светло, в непрестанной тоске и тяге «домой». Он ясно сознавал, что оторванность от родины губительно сказывается на его творчестве. «Прекрасный народ, — сказал он о французах, — но не говорит по-русски, в лавочке и в пивной — всюду не по-нашему... А значит это вот что — поживешь, поживешь, да и писать перестанешь. Есть, конечно, писатели такие, что их хоть на Мадагаскар посылай на вечное поселение — они и там будут писать роман за романом. А мне все надо родное, всякое — хорошее, плохое — только родное». В этом, быть может, проявилась особенность художественного склада Куприна. Он накрепко, больше, нежели И. А. Бунин или И. С. Шмелев, был привязан к малым и великим сторонам русского быта, многонационального уклада страны.

Но теперь родной быт исчез, исчезли рабочие, подневольные страшного Молоха, исчезли великолепные в труде и разгуле крымские рыбаки, философствующие армейские поручики и замордованные рядовые. Новых людей новой России он не видит. Перед глазами Куприна не привычный пейзаж оснеженной Москвы, не панорама дикого Полесья, а чистенький «Буа-булонский лес» или такая нарядная и такая чужая природа французского Средиземноморья... Он делает очерковые зарисовки о Париже, Югославии,

юге Франции, но самое «вещество» поэзии способен найти только во впечатлениях от родной, русской действительности. Напрасно художник старается по памяти восстановить знакомый уклад и силой воображения вдвинуть его в чужой мир. Быт уходит, как песок сквозь пальцы. Он дробится на мелкие крупинки, на капли. Недаром цикл своих миниатюр в прозе, вошедших в сборник «Елань», писатель так и называет «рассказы в каплях».

Он помнит множество драгоценных мелочей, связанных с родной, помнит, что «еланью» зовется «загиб в густом сосновом лесу, где свежо, зелено, весело, где ландыши, грибы, певчие птицы и белки»; что «верей» куртинские мужики называют холм, торчащий над болотом; он помнит, как с кротким звуком «пак!» (словно «дитя в задумчивости разомкнуло уста») лопаются весенней ночью набрякшая почка и как вкусен кусок черного хлеба, посыпанной крупной солью. Но эти детали подчас остаются мозаикой — каждая сама по себе, каждая отдельно.

Прежние, купринские мотивы вновь звучат в его прозе. Новеллы «Ольга Сур», «Дурной каламбур», «Блондель» как бы завершают целую линию прославления простых и благородных людей — борцов, клоунов, дрессировщиков, акробатов. Вослед знаменитым «Листригонам» он пишет в эмиграции рассказ «Светлана», вновь воскрешающий колоритную фигуру балаклавского рыбацкого атамана Коли Костанди. И природа, в тихой красоте ее весенних ночей и вечеров, в разнообразии повадок ее населения — зверя, птицы, вплоть до самых малых детей леса, по-прежнему вызывает у Куприна восхищение и жадный художнический азарт («Ночь в лесу», «Вальдшнепы»). Уже тяжелобольной, Куприн замышляет создать книгу о животных — «Друзья человечества». «А вы заметили, — говорил он навестившему его журналисту, — что сейчас в литературе почти не осталось ни собак, ни лошадей?» Куприну удалось написать для задуманной книги лишь один рассказ — «Ральф».

Прославлению великого «дара любви», чистого, бескорыстного чувства (что было лейтмотивом множества прежних произведений писателя) посвящена повесть «Колесо времени». Герой ее, русский инженер «Мишика» (как его называет прекрасная француженка Мария), — это все тот же «проходной» персонаж творчества Куприна, добрый, вспыльчивый, слабый. Он — поздний родной брат инженера Боброва, прапорщика Лапшина, подпоручика Ромашова. Но он и грубее их, «приземленнее»: его жгучее, казалось бы, необыкновенное чувство лишено той одухотворенности и целомудрия, какими освятили свое отношение к любимой знакомые нам герои. Это более заурядная, плотская страсть, которая, быстро исчерпав себя, начинает тяготить героя, неспособного к длительному чувству. Недаром сам «Мишика» говорит о себе: